

НЕ ПРОСИ МЕНЯ СТАТЬ ДРАКОНОМ

— ЛИЛИЯ РОМАНОВА —

Лилия Романова

Не проси меня стать драконом

<https://litres.ru/74700684>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать два года назад я обещала мужу стать драконом. Мы будем летать вместе, увидим далекие острова и проживем рядом гораздо дольше, чем отпущено человеку. Тогда я действительно этого хотела.

Теперь мне сорок четыре. До алой луны меньше трех недель. Муж дарит мне летные перчатки, дети выбирают наш первый маршрут, а я наконец произношу то, что скрывала несколько месяцев:

— Я не буду принимать Дар.

Я люблю их. Не хочу другого мужа, другой семьи, другой жизни. Но и становиться другой ради них больше не хочу.

Только как объяснить любимому человеку, что отказ от его мечты — не отказ от него самого?

Содержание

Глава 1. Подарок на долгую жизнь	4
Глава 2. Ты ведь обещала	10
Глава 3. Второй голос	16
Глава 4. Та, которая хочет	22
Глава 5. Наше старое письмо	28
Глава 6. Карта на двоих	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лилия Романова

Не проси меня стать драконом

Глава 1. Подарок на долгую жизнь

Норберт положил длинную коробку между Бертиной тарелкой и вазой с яблоками, и Розина немедленно отодвинула вазу.

— Сначала открой. Потом опять скажешь, что мы все испортили соусом.

— В прошлый раз вы действительно залили подарок.

— Лукас испортил, — поправила дочь.

— А ты ела, — сказал Лукас, не поднимая глаз от коробки.

Они явно знали, что внутри. Норберт стоял за Бертиным стулом и держал ладонь у нее на плече. Сквозь тонкую ткань платья чувствовалось знакомое тепло его пальцев. Берта накрыла их своей рукой, задержала на мгновение и отпустила, чтобы развязать ленту.

Она ждала нот. Норберт мог заказать переписчику тот старый сборник, на который она смотрела весной, или найти рисунок концертного зала до перестройки. Такие подарки он

делал редко, зато помнил случайно сказанное гораздо дольше, чем она сама.

Под крышкой лежали перчатки. Темная рыжая кожа, длинные мягкие раструбы, тонкая строчка у большого пальца. Красивые, несомненно дорогие. Берта вынула одну и сразу узнала работу мастера, у которого Норберт покупал летние вещи.

— Не застегивай туго, — сказал он. — На холоде ремешок лучше оставить свободнее.

Она повернула перчатку ладонью кверху. Внутри была светлая шерстяная подкладка.

— Для горных привалов, — объяснил Норберт, заметив ее взгляд. — Обращаешься обратно, а камень ледяной. В первый год руки особенно зябнут. Я помню.

Берта опустила руку с перчаткой на крышку коробки.

Розина вытянула шею, разглядывая шов.

— Я говорила, надо брать темнее. Но отец сказал, тебе такие понравятся.

— Мне нравятся.

Она произнесла это слишком быстро. Норберт обошел стол, сел напротив и улыбнулся той улыбкой, от которой у него появлялась короткая складка возле рта. Он нечасто смотрел так открыто при детях. Берта вдруг поняла, сколько радости он принес сегодня домой и как тщательно прятал ее до ужина.

Лукас вытащил из-за спины свернутую карту.

— А теперь главное.

— Я хотел после ужина, — сказал Норберт.

— Ты всегда хочешь после ужина, и потом мама говорит, что ей надо беречь голос и лечь раньше.

— А ты всегда забываешь, что утром у меня репетиция.

— Поэтому сейчас.

Лукас развернул карту на свободном конце стола. Розина подхватила соусник, пока тот не опрокинулся, и поставила возле своей тарелки. На плотной бумаге синим шнуром был отмечен путь от Вальдена к морю, потом дальше, через острова. Берта узнала первый из них. Они с Норбертом бывали там, когда дети были маленькими: он летел, она добиралась на судне, и два дня они ждали, пока ветер позволит войти в гавань.

Теперь шнур не останавливался в гавани. Он пересекал море там, где на карте не было ни городов, ни дорог.

— Только не сразу, — сказал Норберт. — Я не собираюсь тащить тебя туда на следующий день после Дара. Сначала равнина. Потом низкие скалы у реки. К зиме уже будет понятно, что ты можешь.

Розина прижала пальцем край карты.

— А весной мы все полетим к Белым уступам. Я освобожу неделю.

— Ты еще не знаешь расписания ансамбля, — заметила Берта.

— Попрошу заранее.

Дочь говорила серьезно. Восемнадцатилетняя Розина, которую невозможно было уговорить дважды прийти к ужину вовремя, уже собиралась освободить неделю ради матери. Лукас смотрел на шнур с таким сосредоточенным удовольствием, будто маршрут был его собственным изобретением.

Берта ощутила тяжесть перчатки на ладони. Она все еще держала ее, прижимая большим пальцем мягкий раструб. Кожа нагрелась от пальцев.

— Вы давно это обсуждаете?

— Несколько дней, — ответил Норберт. — Хотелось сделать тебе что-нибудь настоящее. Не очередную брошь.

У нее было две его броши за двадцать два года брака. Одну она носила постоянно, другая терялась в складках плотных зимних платьев. Он прекрасно знал это, и в другое время она бы засмеялась.

Сейчас Берта смотрела на карту и не могла заставить себя поднять глаза.

Она собиралась сказать ему завтра. Вчера собиралась сегодня, но наедине, после репетиции. До этого ждала, когда Лукас закончит свою поездку, потом когда пройдет важный вечер Розины. Все это были настоящие события. Она держалась за них, потому что каждое давало еще несколько дней обычной жизни.

Норберт потянулся к ее свободной руке.

— Что такое?

Она убрала ладонь не от него, а чтобы положить перчатку.

Но движение получилось резким, и он остановился.

— Я не буду принимать Дар.

Лукас все еще придерживал карту. Берта услышала, как хрустнула бумага под его пальцами.

— Что значит не будешь? — спросила Розина.

Норберт не сказал ничего. Он смотрел на жену, и улыбка медленно исчезала с его лица. Не обиженно, не сердито — будто он пытался понять речь, в которой знакомые слова вдруг означали другое.

— Значит, я останусь человеком.

— Мама, до луны...

— Я знаю.

— Ты не можешь просто не успеть, — продолжила дочь.
— Следующая будет уже...

— Розина, я знаю, сколько мне будет лет.

Норберт поднял руку, останавливая дочь, но не посмотрел на нее.

— Что случилось?

Берта могла бы назвать страх. Тогда он начал бы объяснять, искать сведущих людей, делать все то, что умел: превращать страшное в последовательность понятных шагов. Она слишком хорошо знала его, чтобы дать этот ответ и снова спрятаться за ним.

— Ничего не случилось сегодня.

— Тогда почему ты говоришь об этом так?

Она посмотрела на перчатки. Как мало в комнате измени-

лось. У Розины на тарелке остывало мясо. За окном проехал поздний экипаж. Лукас наконец отпустил карту, и ее край загнул, закрыв несколько островов.

— Потому что раньше не решилась.

Норберт опустил руку на стол. Он не ударил по нему и не отодвинул коробку. Просто положил ладонь рядом с лентой, которой еще несколько минут назад был перевязан подарок.

— Дети, оставьте нас, пожалуйста.

— Отец...

— Не сейчас, Лукас.

В его голосе не было гнева, и от этого Берте стало хуже. Розина первой встала, поставила соусник на место, за чем-то поправила вилку. Сын свернул карту небрежно, шнур соскользнул на скатерть. Норберт подобрал его и положил поверх коробки.

Когда дверь закрылась, он сказал:

— Я не понимаю, как ты могла знать это раньше, чем я.

Берта смотрела на его руку. Ей хотелось взять ее, как брала всегда, когда он возвращался из дальней дороги. Но сейчас этого было мало, а сказать, что ничего не изменилось, она уже не могла.

Глава 2. Ты ведь обещала

Норберт первым отвернулся от стола.

— Здесь нельзя разговаривать. Я все время думаю, что надо убрать тарелки.

Берта встала, собрала два прибора, но он остановил ее:

— Не надо. Оставь.

Они вышли в кабинет. Норберт взял коробку с перчатками, словно не хотел, чтобы дети увидели ее утром среди остатков ужина, и поставил на низкий шкаф возле окна. Крышку он закрыл. Шнур от карты остался в столовой.

В кабинете горела одна лампа. Берта села в кресло, где обычно разбирала ноты, пока муж читал. Он не сел, прошел к окну и некоторое время стоял спиной к ней. В стекле отражалось его лицо: длинное, чуть угловатое, с серыми глазами, которые сейчас казались почти бесцветными.

— Когда? — спросил он.

— Что когда?

— Когда ты решила?

Берта посмотрела на свои руки.

— Летом я уже понимала, что не хочу.

Он обернулся.

— Летом?

Она кивнула.

— Мы ездили к твоей матери. Розина готовилась к про-

слушиванию. Я заказывал эти перчатки. Все это время?

— Да.

— Ты даже помогала выбирать место для первых полетов.

— Ты спросил, где мне нравится берег.

— Не делай этого, Берта.

Она замолчала. В его словах не было несправедливости. Он спрашивал, где ей будет легче учиться, а она ответила про берег, будто речь шла только о воде и скалах.

Норберт сел на край своего письменного стола. Ему всегда было неудобно сидеть там: угол давил на бедро, он скоро вставал. Сейчас он словно не замечал.

— Ты говорила, что ждешь этого.

— Говорила.

— Ты сама говорила. Я не выманивал у тебя обещание.

— Я помню.

— Тогда объясни мне.

В сорок четыре года Берта умела выходить перед полным залом, когда ноты у сопровождающего оказывались перепутаны, а важный слушатель в первом ряду демонстративно отворачивался. Умела продолжать петь после сорванного вступления и не смотреть на дверь, через которую уходили люди. Но сейчас ей не удавалось выговорить простую мысль без страха, что она прозвучит ничтожной.

— Я хочу остаться такой, какая есть.

Он посмотрел на нее внимательно.

— Ты и останешься собой.

— Тебе так кажется.

— Это не только мне кажется. Ты знаешь людей, принявших Дар. Они помнят свою жизнь. Любят тех же людей. Они не просыпаются кем-то другим.

— Я не говорю, что потеряю память.

— Тогда что?

Берта коснулась горла. Норберт заметил движение.

— Голос? Мы же узнавали. Ты сможешь петь. Может быть, даже...

Он не договорил, и она была благодарна ему за это.

— Я знаю, что смогу. Я слышала, как поют после обращения. Это красиво. Только я не хочу проснуться и начать привыкать к новому голосу. К новому дыханию. К тому, что внутри меня есть еще одно тело, которое я должна научиться узнавать.

— Не должна. Захочешь.

— Норберт.

Он провел ладонью по короткой бороде, отвел взгляд.

— Прости. Но ты ведь еще не знаешь.

— Именно. Я не знаю, каково это. И не хочу узнавать таким способом.

За стеной прошли шаги. Они оба замолчали, ожидая стука. Шаги удалились, скрипнула ступенька. Наверху у Лукаса была комната, которой он все еще пользовался, хотя давно собирался снять собственную. Раньше Берта ворчала, когда сын поздно ходил по дому. Теперь ей хотелось, чтобы он шел

подольше: пока слышны шаги, можно не говорить следующую фразу.

Норберт встал со стола.

— Ты понимаешь, от чего отказываешься?

— Да.

— Не от полетов. Не только от них.

— Понимаю.

— Тогда почему ты говоришь так спокойно?

Берта подняла голову.

— Потому что я много раз произносила это одна. У меня было время испугаться, поплакать и снова решить, что я трусливая. У тебя этого времени не было.

— И ты решила дать мне его сейчас? Когда до луны осталось меньше трех недель?

— Нет. Я не решила. Я откладывала.

Он сел наконец в другое кресло, напротив. Между ними стоял маленький столик с книгой, которую он читал уже второй месяц, постоянно возвращаясь к началу. Берта знала, на какой странице лежит закладка. Знала, что он сейчас потянется к ней, чтобы занять руки, и он потянулся.

— Ты боялась, что я не останусь с тобой?

Она не ответила сразу.

— Да.

Он отпустил книгу.

— За кого ты меня принимаешь?

— За человека, которому я обещала другое.

— Я не человек.

Обычно он говорил это шутя, когда она требовала от него не греть чашки ладонями при гостях. Сейчас шутки не было.

— За мужа, — поправилась Берта. — За моего мужа. Я думала, скажу — и ты посмотришь на меня так, будто все эти годы были ошибкой.

— А я сейчас думаю, сколько этих лет ты ждала другого будущего и не говорила мне.

— Не лет. Несколько месяцев.

Он коротко кивнул, принимая поправку, но легче ему не стало.

Берта встала. Ей захотелось приблизиться, и она подошла к его креслу, остановилась сбоку. Норберт смотрел прямо перед собой. В темно-русых волосах у виска светлели несколько прядей. Она знала, где они появились сначала, знала маленький шрам под подбородком, который прятала борода. Ей не хотелось отказываться от этого лица, от его привычки слушать, слегка наклонив голову. Она не искала другой жизни без него.

— Я люблю тебя, — сказала она.

Он закрыл глаза на секунду.

— Я знаю. От этого я еще меньше понимаю.

Берта коснулась спинки кресла, но не его плеча.

— Я не могу сказать это так, чтобы тебе не было больно.

— А я не могу сейчас ответить так, чтобы ты сразу перестала бояться.

Он поднял на нее глаза. В них не было обещания, которого она ждала, но и решения уйти не было.

— Ты ведь обещала, Берта.

— Да.

— И я тебе верил.

Она села обратно. Это было труднее, чем уйти наверх, закрыть дверь и оставить его с собственными словами. Она оставалась, пока он молчал, и впервые за месяцы не искала подходящего случая, чтобы отложить разговор.

Позднее они погасили лампу вместе. Норберт придержал дверь, пропуская ее первой, как делал всегда. Берта не приняла этот маленький знакомый жест за прощение. Они поднялись наверх рядом. На лестнице Норберт привычно замедлил шаг, и Берта не знала, от этого ли ей стало еще труднее молчать.

Глава 3. Второй голос

Розина пришла в зал раньше матери и уже стояла у открытого рояля. Берта увидела ее со спины: прямая, неподвижная, в темном платье, которое сама выбрала для репетиций. Дочь терпеть не могла, когда ткань мешала поднимать руки, и отрезала тесные рукава еще прошлой зимой. Иоганна тогда сказала, что в первый раз видит такую серьезную подготовку к дыханию.

Сегодня Иоганна не шутила.

— Берта, с начала второй части. Нам нужно понять, где вы расходитесь.

— Я думала, сначала распоемся.

— Розина уже готова. Ты можешь начать тише.

Берта поставила сумку на стул, сняла накидку. Обычно она любила этот час, когда большой каменный зал еще пуст и в нем слышен звук каждого шага. Через высокие окна падал неровный утренний свет. У стены стояли сложенные стулья, в дальнем углу рабочий чинил деревянный пюпитр. Ничего торжественного, ничего похожего на вечер, ради которого они собирались здесь день за днем.

Она встала рядом с дочерью.

— Ты позавтракала?

— Да.

— Я оставляла тебе...

— Мама, я позавтракала.

Иоганна посмотрела на них поверх нот.

— Начинаем?

Берта кивнула.

Первые такты они прошли ровно. Ее партия лежала ниже дочериной и не требовала сильного звука. В ней было движение, которое Берта хорошо чувствовала: чуть задержать короткую ноту, затем отпустить фразу, не стараясь удержать ее до самого конца. Розина должна была вступить в этот промежуток.

Она вступила раньше.

Берта не остановилась, попыталась уступить место, но дочь прибавила силы, словно слышала в материнском отступлении ошибку. Их голоса столкнулись, и Иоганна убрала руки с клавиш.

— Нет.

Розина покраснела.

— Я не взяла выше.

— Ты взяла раньше.

— Там почти нет паузы.

— Там есть чужое окончание фразы.

Дочь прижала ноты к пюпитру. Берте захотелось объяснить за нее, что вчерашний вечер был тяжелым, но она не стала. Розине было восемнадцать. Она впервые получила отдельную партию на городском камерном вечере, и мать не имела права приносить в зал ее домашнюю обиду как оправ-

дание.

Они начали снова.

На этот раз Розина дождалась вступления. Ее голос поднялся над низкими звуками рояля легко, без усилия, и Берта ощутила привычную гордость, смешанную с удивлением. Она помнила этот голос тонким, упрямым, всегда немного громче, чем следовало. Теперь в нем появлялась глубина, которая не могла возникнуть у человека от одних занятий.

Но Розина удержала длинную ноту слишком долго. Берта вступила на своем месте, и снова получилось тесно.

— Еще раз, — сказала Иоганна.

На третьем повторе дочь резко оборвала звук.

— Так лучше?

— Нет. Теперь ты бросила фразу.

— Я не понимаю, чего вы хотите.

Иоганна закрыла крышку над клавишами одним движением. Не хлопнула, просто закрыла, и звук крышки оказался громче их спора.

— Сейчас я хочу услышать Берту одну. Розина, сядь в шестом ряду.

— Я знаю, как она поет.

— Из шестого ряда ты не слушала ее уже давно.

Дочь взяла ноты и пошла между пустыми стульями. Берта стояла, глядя ей вслед. В последний раз Розина сидела там ребенком, когда приходила на все материнские репетиции и засыпала раньше второй части. Теперь ее затылок возвы-

шался над спинкой стула, плечи были напряжены.

Иоганна подняла крышку над клавишами.

— Не старайся спеть за двоих, — сказала она тихо.

Берта начала.

Она знала, где ей не хватит дыхания, если увлечется первым движением. Знала, как легко сделать голос красивее и потерять смысл. В этот раз она не украшала фразу, не тянулась к дочериному блеску. В конце почувствовала знакомую сухость во рту и замолчала вовремя.

Несколько секунд никто не говорил.

— Слышишь? — спросила Иоганна Розину.

Дочь кивнула, но не подняла глаз.

— Мне не нужен такой же звук у тебя. Мне нужно, чтобы ты дала ему закончиться.

Берта отвернулась к окну. Она вдруг остро вспомнила вчерашние слова мужа: сможет петь, может быть, даже лучше. Он не договорил. Но теперь ей хотелось защитить не свой успех, не место в ансамбле — вот это маленькое, не самое громкое окончание, которое принадлежало ей и было выучено ее собственным телом.

После репетиции Иоганна задержалась с рабочим у сломанного пюпитра. Розина собирала ноты медленно, слишком тщательно выравнивая края.

— Ты из-за этого не хочешь? — спросила она, когда мать подошла.

— Из-за чего?

— Из-за голоса. Думаешь, будешь звучать, как я?

Берта не сразу ответила. Дочь подняла голову, и в ее лице уже было готовое ожидание отказа.

— Нет, Розина. Я не думаю, что стану звучать, как ты. У тебя свой голос.

— Но человеческий тебе нравится больше.

— Мой мне нравится. Это не то же самое.

Розина усмехнулась, коротко и нехорошо.

— Удобно.

— Почему удобно?

— Потому что можно сказать что угодно и потом объяснить, что это только про себя. А нам как это слышать?

Берта взяла накидку со стула, но не надела. Ткань легла ей на руки тяжелой складкой.

— Я не хочу обидеть тебя.

— Уже обидела.

За их спинами Иоганна рассмеялась чему-то, сказанному рабочим. Обычный звук показался Берте почти неприличным: как можно смеяться, когда они стоят здесь и не понимают друг друга. Она знала, что это несправедливо, и от этого устала еще сильнее.

— Я люблю вас, Розина. Мне хорошо с вами. Но сама я не хочу становиться драконом.

Розина сунула ноты в сумку.

— Ты говоришь так, будто между этим огромная разница.

— Для меня есть.

— А для меня пока нет.

Дочь пошла к выходу. Берта могла окликнуть ее, предложить вместе пройти по набережной, купить что-нибудь к обеду. В другое утро это было бы естественно. Сегодня Розина услышала бы попытку поскорее вернуть все на место.

Берта дала ей уйти.

Иоганна подошла спустя минуту и остановилась рядом, не спрашивая ничего.

— Завтра работаем по отдельности, — сказала она. — Потом снова вместе.

Берта кивнула.

— Это из-за нас?

— Это из-за того, что вы пока больше думаете о том, что должна сделать другая, чем о собственной партии.

Иоганна забрала забытый карандаш и отошла к роялю. Берта наконец надела накидку. На улице она увидела Розину у угла: дочь ждала, будто сама еще не решила, уйти одной или нет.

Они пошли домой рядом. Розина держалась на расстоянии шага. Берта не пыталась сократить его рукой, хотя пальцы несколько раз сами потянулись к знакомому плечу.

Глава 4. Та, которая хочет

Нора Дитрих встретила Берту на ступенях дома Арно Витта и сразу взяла под руку.

— Как хорошо, что ты пришла. Я уже начала думать, что опять буду одна задавать все глупые вопросы.

— У тебя есть глупые вопросы?

— Только они и есть. Например, куда девать туфли.

Берта невольно улыбнулась.

— Наверное, снять.

— Это я и сама придумала. А куда поставить, чтобы потом найти? Левин говорит, мне будет не до туфель. Но я его знаю. Он и сейчас свои не находит.

Нора говорила быстро, на ходу поправляя застёжку сумки. В свои сорок шесть она не выглядела ни моложе Берты, ни старше. У нее были крепкие руки и привычка смотреть прямо в лицо, даже когда говорила о пустяках. Берта давно знала ее по городским вечерам, но никогда еще не видела такой счастливой и растерянной одновременно.

Они вошли вместе.

Арно Витт принимал желающих в обычной комнате с большими окнами. На столе лежали несколько листов, у стены стоял макет каменного круга. Берта помнила этот макет с прежнего посещения: невысокие камни, проход между двумя из них, пустое место в середине. Тогда она рассматривала

его вместе с Норбертом и спрашивала, откуда лучше подойти, если будет дождь.

Сегодня Арно поднялся, поздоровался и предложил им сесть.

— Ваши супруги не придут?

— Левин задержится, — ответила Нора. — Он хочет еще раз посмотреть площадку.

— А Норберт занят, — сказала Берта.

Это не было ложью: муж действительно работал. Но она сама попросила его не идти с ней. Он спросил, зачем ей встреча, если все решено, и она не сумела объяснить, что хочет услышать условия без него рядом.

Нора положила на стол сложенный лист.

— Я записала вопросы. Чтобы не забыть.

Арно взял лист, пробежал глазами.

— Начнем с туфель?

— Вы смеетесь.

— Нет. Хороший вопрос. Все вещи остаются вне круга. Для них приготовлены скамьи и закрытые ящики. Когда вернетесь в человеческий облик, помощники подадут вам одежду. Ничего искать босиком не придется.

Нора выдохнула с таким облегчением, что Берта снова улыбнулась. От простоты вопроса в комнате стало легче.

Арно отвечал терпеливо. Он не обещал, что первый полет будет красивым. Говорил, что сразу взлетать не нужно, что рядом будут опытные драконы и что никто не станет торо-

пить тех, кому требуется время. Нора слушала, иногда перебывала, возвращалась к уже сказанному. Ей хотелось знать все.

Потом Арно посмотрел на Берту.

— У вас есть вопросы?

Она сложила руки на коленях.

— Я хочу еще раз услышать, что именно должна сделать сама.

Он не удивился.

— Войти в круг, когда алая луна окажется над восточными камнями. Я назову время и объясню, куда встать. Но шаг делаете вы. Не супруг, не проводник. Мы не можем принять Дар за другого человека.

— А если я останусь снаружи?

Нора повернулась к ней.

Арно ответил прежде, чем она успела что-нибудь спросить:

— Ничего не произойдет.

— Даже если мое имя уже записано?

— Имя нужно, чтобы приготовить место и не собирать людей без порядка. Список никого не связывает.

Берта посмотрела на макет. Маленький проход между камнями казался теперь шире, чем раньше.

— А после?

— Если вы примете Дар, вернуть прежнюю природу нельзя. Драконий облик будет сменяться человеческим, но чело-

веком вы уже не станете. Вы знаете это, госпожа Зандер.

— Знаю. Мне нужно было спросить.

Арно кивнул.

Он снова объяснил зрелое десятилетие — от сорока до пятидесяти лет, когда человек может принять новую природу. Алая луна проходила над Вальденом раз в двадцать два года, и возможность не подчинялась желанию проводника. Берте сейчас было сорок четыре. При следующем прохождении ей исполнилось бы шестьдесят шесть. Она могла отказаться, но не могла рассчитывать на следующую возможность принять Дар.

Нора молчала. Ее лист с вопросами лежал на столе, расправленный ладонью Арно.

— И голос? — спросила Берта.

— Изменится. Как изменится дыхание. Вы говорили, что поете.

— Да.

— Я не стану обещать, что вы сразу узнаете свой звук. Придется привыкнуть. Но это не утрата голоса.

— Я понимаю.

— И память не меняется. Чувства не назначаются заново. Дар не решает, кого вам любить.

Он говорил без особой торжественности, словно хотел убрать с простых условий все лишнее, что люди приносили с собой. Берта была ему за это благодарна.

Когда пришел Левин, Нора встала ему навстречу. Он по-

целовал ее в висок, положил на стол перчатки и спросил, что пропустил. Нора сразу начала рассказывать про ящики для вещей. Берта попрощалась и вышла.

На улице она не пошла домой. Спустилась к ограде, встала у каменного столба. Через несколько минут дверь снова открылась, и Нора поспешила к ней.

— Ты уходишь?

— Уже собиралась.

— Подожди. Я хочу спросить.

Берта повернулась.

Нора больше не улыбалась, но и испуганной не выглядела.

— Ты не хочешь входить в круг?

— Не хочу.

— Совсем?

— Совсем.

Нора опустила глаза на свою сумку.

— А я каждое утро просыпаюсь и считаю дни. Даже стыдно. Будто я недовольна всем, что было до этого.

— Почему стыдно?

— Потому что мне хорошо с Левином и так. Потому что у меня есть дом, работа, люди, которых я люблю. А я хочу еще и крылья.

Берта смотрела на нее. Вот оно было перед ней: настоящее желание, не внушенное мужем, не спрятанное за обязанностью. Нора говорила о крыльях так, как Берта когда-то говорила о первом большом выступлении, — с жадностью, кото-

рую было неловко показать полностью.

— Ты можешь хотеть, — сказала Берта.

— А ты можешь не хотеть?

— Я пытаюсь в это поверить.

Нора вздохнула.

— Левин очень обрадуется, когда я войду. Но я бы вошла и без его радости. Наверное, это важно.

— Да.

Они немного постояли рядом. За оградой хлопали на ветру вывешенные полотна: кто-то готовил площадку к будущему вечеру. Берта не чувствовала отвращения к этому празднику. Ей было грустно, что чужая радость не передается ей одним прикосновением.

— Я не хочу, чтобы ты потом пожалела, — тихо сказала Нора.

— Я тоже.

— Но я не знаю, что тебе посоветовать.

— Не советуй.

Нора кивнула, словно получила понятную просьбу, которую могла исполнить. Потом обняла Берту крепко и неловко, зацепив сумкой ее локоть. Берта обняла в ответ.

Они расстались без обещания переубедить друг друга. Нора вернулась в дом, где ее ждали новые вопросы и Левин. Берта пошла к реке. Впервые за несколько дней ей не требовалось придумывать, что она скажет, если ее спросят, чего она хочет.

Глава 5. Наше старое письмо

Письмо лежало рядом с Бертиной чашкой, когда она вернулась с утренней прогулки. Она сразу узнала бумагу: плотную, с неровным краем, которую покупала по одному листу, потому что на целую пачку не хватало денег.

Норберт сидел у окна. Он не делал вид, что читает.

— Я нашел его вчера.

— Ты искал?

— Да.

Берта сняла накидку и повесила на спинку стула. Письмо не было запечатано. Его складывали по тем же линиям столько раз, что середина стала мягкой, почти тканевой.

— Я не хочу ловить тебя на слове, — сказал Норберт.

Она посмотрела на него.

— Но принес.

— Принес. Потому что начал думать, не выдумал ли я все сам.

Берта села.

Она помнила этот лист. Писала вечером, в комнате, которую снимала над мастерской рамочника. На улице пахло мокрым деревом. До свадьбы оставалось несколько недель, а Норберт задерживался в дороге. Она злилась на него за задержку, скучала так сильно, что сердилась еще больше, и написала письмо, в котором ни разу не призналась, что плака-

ла.

Теперь ее собственный почерк смотрел на нее с чужой молодостью. Буквы были крупнее, строки поднимались к концу листа. Она тогда всегда начинала слишком низко и потом торопилась вместить все, что хотела сказать.

«Когда мне будет сорок четыре, я уже перестану бояться высоты. А если не перестану, ты будешь смеяться надо мной, и я все равно полезу за тобой. Только не смей улетать к тем островам без меня. Я хочу увидеть их сама, не на твоих рисунках».

Берта провела пальцем над строкой, не касаясь чернил.

— Ты ничего не выдумал, — сказала она.

Норберт наклонился вперед.

— Я знаю, что люди меняются. Мне пятьдесят, Берта. Я не ждал, что ты останешься той девушкой.

— Но это обещание осталось у тебя ее голосом.

— Нет. Не только ее. Ты повторяла его потом.

Она закрыла глаза на мгновение.

Он был прав. Нельзя было свести все к одному письму, написанному в двадцать два года. Они говорили о Даре, когда родился Лукас, когда Розина впервые обратилась, когда купили этот дом. Иногда мимоходом, иногда серьезно. Берта представляла себя рядом с ними в небе и действительно хотела этого.

— Я повторяла, — сказала она. — Еще прошлой зимой я думала, что хочу.

— Что изменилось с тех пор?

Она подняла письмо, перечитала последнее предложение. Внизу был нарисован маленький нелепый дракон с огромными крыльями и тонкими лапами. Норберт когда-то сказал, что такой не оторвется от земли, и она обиделась всерьез.

— Не было одного дня, — ответила Берта. — Не было человека, который меня напугал. Я просто все чаще думала не о том, куда смогу полететь, а о том, как не хочу становиться другой.

— Но ты не станешь другой целиком.

— Я знаю.

— Ты говоришь «знаю» и все равно объясняешь так, будто тебя заменят.

Берта положила лист на стол.

— Тогда я плохо объясняю. Я не думаю, что исчезну. Я думаю, что останусь и буду жить с переменой, которую выбрала не потому, что хочу ее сейчас, а потому, что когда-то хотела. И каждый день буду помнить это.

Норберт отвернулся к окну.

На улице женщина тащила за собой маленькую тележку. Одно колесо скрипело на каждом обороте. Берта вдруг вспомнила, как они с мужем перевозили сюда книги: он собирался поднять все разом, она запретила, боясь за переплеты, и они поссорились из-за двух потертых томов так, словно решали судьбу дома. Потом Норберт принес их по одному и до вечера называл ее госпожой хранительницей.

Тогда тоже было неприятно. Тогда тоже казалось, что он не понимает чего-то самого важного. Но к вечеру они смеялись.

Сейчас Берта не знала, когда снова получится смеяться без осторожности.

— Я не хочу, чтобы ты считал то письмо ложью, — сказала она.

Он повернулся.

— А чем мне его считать?

— Правдой. Тогдашней.

Норберт долго смотрел на нее.

— Я жил не с письмом, Берта. Я жил с тобой. И не заметил, когда правда стала другой.

Она опустила глаза. Сказать, что он должен был заметить, было бы легче всего. Найти десять случаев, когда она промолчала, а он не спросил. Но он спрашивал. Весной, когда она задержалась у Арно после общей встречи, спросил, все ли ее устраивает. Она ответила, что устала.

— Я не дала тебе заметить.

Его лицо дрогнуло, будто он ждал обвинения и не успел подготовиться к этому.

— Почему?

— Потому что пока ты не знал, мы могли жить как раньше.

— А ты могла?

Она покачала головой.

Норберт отодвинул чашку, так и не прикоснувшись к ней.

— Знаешь, что меня сейчас больше всего злит? Я вспоминаю обычные дни и пытаюсь угадать, в каком из них ты уже смотрела на меня иначе. Мы шли по набережной. Ты покупала ленты для Розины. Я рассказывал тебе, что видел в горах. А ты все это время знала, что не пойдешь со мной.

— Я смотрела на тебя так же.

— Не говори мне, как я должен это помнить.

Берта прикусила губу. Она хотела возразить, что он превращает все лето в обман, а ведь там было столько настоящего. Но он не сказал, что настоящего не было. Он сказал, что теперь ему приходится искать его заново.

Некоторое время они сидели молча.

Потом Берта сложила письмо по старым линиям и пододвинула к мужу.

— Сохрани его.

Он не взял лист.

— Зачем?

— Потому что я не хочу уничтожать ту, которой была. И не хочу, чтобы ты думал, будто я прошу забыть, на что ты надеялся.

Норберт коснулся бумаги двумя пальцами.

— А мне не хочется каждый раз доставать его, чтобы ты мне верила.

— Не доставай. Я верю.

Он поднял письмо и убрал во внутренний карман жилета.

Не торжественно, не как доказательство. Так человек убирает вещь, которую не знает, куда еще деть.

Берта наконец взяла чашку. Чай остыл. Она сделала глоток и почувствовала знакомую горечь, которую обычно не любила.

— Я сегодня буду поздно, — сказал Норберт. — Нужно закончить описание южного пути.

— Хорошо.

Он встал, но у двери остановился.

— Это не значит, что я не хочу возвращаться домой.

Берта посмотрела на него.

— Я поняла.

Он кивнул и вышел. Она осталась за столом, где уже не было письма, но еще лежал светлый прямоугольник утреннего солнца.

Глава 6. Карта на двоих

Норберт развернул карту на письменном столе и прижал края книгами. Синий шнур он нашел утром в столовой, возле яблочной вазы. Кто-то аккуратно свернул его в кольцо. Скорее всего, Берта.

Он знал этот маршрут лучше большинства людей, которые собирались туда лететь. Несколько лет он описывал дальние пути для перевозчиков: где держится встречный ветер, где можно сесть тяжелому дракону, сколько времени занимает подъем с низкого берега. Работа требовала точности. Если в описании говорилось, что на уступе есть место для двух, там должны были поместиться двое, а не один и чья-то надежда.

Для Берты он готовил другое описание.

Не где быстрее, а где красивее. Не где придется потерпеть до следующей стоянки, а где ей захочется задержаться. Он даже отметил место, в котором однажды слышал, как ветер проходил сквозь полые скалы: не пение, конечно, но Берта непременно стала бы спорить о том, можно ли услышать в этом музыку.

Теперь он смотрел на маленькую отметку и чувствовал злость. Не на скалы и не на жену целиком. На то, что радость, которую он берег столько лет, вдруг оказалась никому не нужной.

Он услышал ее шаги и выпрямился.

— Ты хотел показать?

Берта вошла без нот. На ней было простое темное платье, волосы собраны низким узлом. Она выглядела усталой, но не собиралась уходить.

— Да. Сядь.

Он придвинул ей стул. Сам остался стоять, потому что иначе закрыл бы часть карты.

— Здесь мы были.

Она коснулась первого острова.

— Помню. Лукас потерял сапог.

— Розина бросила его в воду.

— Она говорила, что проверяет, поплывет ли.

На мгновение они улыгнулись одновременно. Норберт почувствовал это почти физически: маленькое возвращение к ним прежним. Он едва не ухватился за него, не начал рассказывать дальше смешное, только бы не продолжать сегодняшний разговор.

Но Берта провела пальцем по шнуру.

— А здесь уже нет гавани?

— Нет. Тут вообще нет берега, к которому может подойти судно. Только скалы.

— Ты хотел там останавливаться?

— На одну ночь. Есть широкая полка под выступом. Для дракона достаточно. Для человека — нет.

Он услышал, как это прозвучало, и добавил:

— Не потому, что человек слабый. Просто там нельзя устроить нормальное укрытие, а до следующего острова далеко.

— Я поняла.

— Отсюда идут дальше, к Белым уступам. Я обещал показать тебе верхнюю сторону.

— Ты показывал рисунки.

— Это не то же самое.

Она кивнула. Он был благодарен ей за то, что она не стала говорить, будто рисунков достаточно.

Норберт показал зимнюю стоянку, которую держала знакомая семья драконов. Большой дом был далеко, внизу. Наверху оставались каменные галереи, защищенные от снега, и открытое небо. Он бывал там один и каждый раз думал, как Берта выйдет утром из темноты галереи, посмотрит на облака под собой и сначала ничего не скажет.

— Я уже написал им, — признался он.

Она подняла голову.

— Когда?

— В конце лета. Они собирались принять другую пару. Я попросил оставить место нам.

Берта опустила ладонь на край карты.

— Ты не сказал.

— Хотел сделать подарок.

Они оба посмотрели на закрытую коробку на шкафу. Норберт отвернулся первым.

— Я понимаю, что надо было спросить.

— Я не пытаюсь сейчас обвинить тебя за то, что ты верил мне.

Он выдохнул. Именно этого он боялся: что каждая его надежда окажется новым нарушением, которое придется оправдывать.

Берта спросила, можно ли добраться до нижнего дома по земле. Он ответил, что можно, долго и с пересадками. Она некоторое время рассматривала карту.

— Я не хочу притворяться, что это будет та же поездка,
— сказала она наконец.

— Не будет.

— Но я могу поехать туда.

Норберт убрал руку с края стола.

— Не сейчас, Берта.

Она посмотрела на него.

— Я просто спросила.

— А я уже слышу, как мы начинаем придумывать, чем заменить все остальное. И я должен обрадоваться каждой замене, потому что иначе получится, что мне мало тебя.

Он говорил тише, чем собирался. Берта не отодвинулась, только села прямее.

— Тебе может быть мало этой поездки. Я не прошу радоваться сейчас.

Норберт опустил на второй стул. Между ними лежало море, перечеркнутое синим шнуром.

— Я думал, мы перестанем считать, сколько осталось времени на что-то общее. Дети выросли. Можно не спешить. Можно пропустить один сезон, потом другой. Не бояться, что потом уже не получится.

— Мы и с Даром не знаем всего, что получится.

— Знаю. Но не делай вид, что разницы нет.

— Я не делаю.

Он посмотрел на ее лицо. На широкие скулы, на темные глаза, в которых сейчас не было ни раздражения, ни готового ответа. Ему хотелось, чтобы она рассердилась. С рассерженной Бертой он умел спорить. С этой, которая слышала его и все равно не меняла решения, он не знал, что делать.

— Я боюсь остаться без тебя, — сказал он.

Она опустила взгляд, потом снова подняла.

— Я знаю.

— Нет. Кажется, ты думаешь, что я боюсь твоей старости.

Что мне нужна молодая жена с крыльями.

— Я так не думаю.

— Иногда ты смотришь на меня, будто я уже обидел тебя тем, чего еще не сказал.

Берта долго молчала.

— Наверное, я готовлюсь защищаться раньше, чем ты начинаешь говорить.

Норберт провел пальцем по синему шнуру.

— А я готовлюсь объяснять, пока ты еще не закончила.

Они помолчали.

Берта взяла край карты и расправила загиб.

— Я боюсь перестать узнавать себя, Норберт. Не потому, что дракон — что-то плохое. Я жила в этом теле сорок четыре года. Училась слышать его, не сердиться на него за каждую неловкость. А теперь мне предлагают начать сначала, и все уверены, что это счастье. Для меня сейчас — нет.

Он хотел сказать, что поможет ей. Что не оставит одну в новой жизни. Слова уже были готовы, и он почти произнес их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.